

Натаниэль Готорн

Хохолок. Назидательная сказка

*Часть сборника
Харчевня двух ведьм. Лучшие
мистические истории (сборник)*

Натаниель Готорн

Хохолок. Назидательная сказка

«ЭКСМО»

1852

УДК 82-822
ББК 84(0)я43

Готорн Н.

Хохолок. Назидательная сказка / Н. Готорн — «Эксмо», 1852

ISBN 978-5-699-92043-3

«...надо сказать, что матушка Ригби (что, вероятно, ни для кого не было тайной) являлась одной из самых ловких ведьм в Новой Англии и обладала самыми могучими чарами, так что ей ничего не стоило смастерить чучело достаточно безобразное, чтобы напугать самого священника. Но на этот раз, поскольку она проснулась в необыкновенно добром расположении духа и настроение это еще смягчилось от выкуренной трубочки, она решила соорудить нечто весьма изящное, полное красоты и блеска, а отнюдь не безобразное и не отвратительное.— Я вовсе не желаю сажать какое-либо чудище на собственное кукурузное поле, и притом чуть ли не у самого моего порога, – промолвила матушка Ригби, обращаясь к самой себе и выпуская изо рта струю дыма. – Я бы могла сделать так, если бы мне этого захотелось, но я устала совершать всякие чудеса, и потому для разнообразия я не выйду за пределы привычного и разумного. И вдобавок нет никакой нужды пугать маленьких детей на целую милю в округности, хотя бы я и была ведьмой...»

УДК 82-822
ББК 84(0)я43

ISBN 978-5-699-92043-3

© Готорн Н., 1852
© Эксмо, 1852

Натаниель Готорн (1804–1864) Хохолок. Назидательная сказка

– Диккон, – крикнула матушка Ригби, – горячий уголек для моей трубки!

Почтенная матрона произнесла эти слова, держа трубку во рту; она сунула ее туда, предварительно набив табаком, но не стала нагибаться, чтобы раскурить ее от огня в очаге. Да, по правде говоря, не было никаких признаков, чтобы в нем разводили огонь в это утро. Тем не менее не успела она отдать приказание, как ярко-красный огонек уже пылал в отверстии головки и струя дыма слетала с уст матушки Ригби. Откуда взялся этот горячий уголек и чья невидимая рука положила его в трубку – этого мне не удалось узнать.

– Ладно, – промолвила матушка Ригби, кивнув. – Спасибо, Диккон! А теперь займемся чучелом. Ты далеко не уходи, Диккон, на тот случай, если ты мне снова понадобишься.

Эта славная женщина поднялась в такую рань (ибо еще едва-едва рассветало), для того чтобы смастерить чучело, которое она намеревалась водрузить посреди своего кукурузного поля. Май был на исходе, и вороны и дрозды уже обнаружили маленькие зеленые, закрученные в трубочки листочки кукурузы, которые только-только начинали вылезать из земли. Поэтому она решила соорудить самое человекоподобное чучело из всех когда-либо существовавших и при этом смастерить его с ног до головы тотчас же, дабы оно могло немедленно начать свою охранную службу. А надо сказать, что матушка Ригби (что, вероятно, ни для кого не было тайной) являлась одной из самых ловких ведьм в Новой Англии и обладала самыми могучими чарами, так что ей ничего не стоило смастерить чучело достаточно безобразное, чтобы напугать самого священника. Но на этот раз, поскольку она проснулась в необыкновенно добром расположении духа и настроение это еще смягчилось от выкуренной трубочки, она решила соорудить нечто весьма изящное, полное красоты и блеска, а отнюдь не безобразное и не отвратительное.

– Я вовсе не желаю сажать какое-либо чудище на собственное кукурузное поле, и притом чуть ли не у самого моего порога, – промолвила матушка Ригби, обращаясь к самой себе и выпуская изо рта струю дыма. – Я бы могла сделать так, если бы мне этого захотелось, но я устала совершать всякие чудеса, и потому для разнообразия я не выйду за пределы привычного и разумного. И вдобавок нет никакой нужды пугать маленьких детей на целую милю в округности, хотя бы я и была ведьмой.

Поэтому она твердо решила, что чучело будет изображать изящного джентльмена той поры, насколько имевшиеся в ее распоряжении материалы это позволяли.

Пожалуй, полезно было бы перечислить главнейшие предметы, послужившие к созданию этой фигуры. Из всех частей ее, вероятно, самой главной, хоть и наименее бросающейся в глаза, являлась некая палка от того помела, на котором матушке Ригби не раз приходилось летать по полуночному небу. Палка эта служила чучелу позвоночным столбом, или попросту хребтом, как выразился бы человек непросвещенный. Одной его рукой был сломанный цеп, которым в свое время пользовался покойный мистер Ригби, до того как его сжила с этого грешного света его любезная супруга. Вторая рука, если я не ошибаюсь, состояла из кухонной скалки и ломаной перекладки от стула, не слишком крепко связанных как бы в локте друг с другом. Что же касается ног, то правая представляла собой ручку от мотыги, а левая – самую обыкновенную, ничем не примечательную палку, вытащенную из кучи хвороста. Легкие, желудок и прочая требуха чучела были представлены мучным мешком, набитым соломой. Таким образом, мы полностью выяснили, из чего состояли его скелет и тело, за исключением одной лишь головы. Эта последняя была великолепно представлена несколько ссохшейся и съезжившейся тыквой, в которой матушка Ригби просверлила два отверстия для глаз и прорезала щель вместо рта,

оставив торчать посредине синеватую шишку, которая могла сойти за нос. Все, вместе взятое, составило, право, очень благопристойное лицо.

– Мне, во всяком случае, приходилось видеть на людских плечах головы куда хуже, – заметила матушка Ригби. – Да и у многих благородных джентльменов на шее сидят не головы, а тыквы, совсем как у моего чучела.

Однако в данном случае самым главным в создании человека являлась одежда. Посему почтенная старушка сняла с вешалки старинный, цвета сливы, кафтан лондонского покроя с остатками золотого шитья вдоль швов, на манжетах, на клапанах карманов и на петлях, но при этом безнадежно изношенный и полинялый, с заплатами на локтях и разодранными полами и вытертый повсюду почти до самой основы. Слева на груди кафтана зияла круглая дыра, вероятно, на том месте, откуда была выдрана орденская звезда, или, может быть, там, где пламенное сердце прежнего владельца прожгло материю насквозь. Соседи матушки Ригби сплетничали, что этот роскошный наряд являлся частью гардероба самого дьявола, который хранил его у нее в хижине, чтобы с удобством переодеваться, когда ему взбредет в голову появиться во всем блеске за столом губернатора. Под стать кафтану был и бархатный жилет очень большого размера, некогда вышитый золотыми листьями, которые горели на нем, словно клены в октябре, но уже не сохранивший на своем бархате ни одной золотой нити. Вслед за тем появилась пара коротких алых штанов, принадлежавших некогда французскому губернатору Луисберга, штанов, которым в свое время даже довелось коленями касаться нижней ступеньки трона великого Людовика. Француз подарил их одному индейскому колдуну, который променял их старой ведьме на четверть пинты водки во время одной из плясок в лесу. Далее матушка Ригби вытащила пару шелковых чулок и натянула их на ноги чучелу, на котором они казались бесплотными, как сновидения, в то время как обе деревянные палки, видневшиеся сквозь дыры, выглядели необыкновенно убого в своей низкой вещественности. И наконец, она водрузила парик своего покойного супруга на гладкую макушку тыквенной головы, увенчав все сооружение пыльной треуголкой, в которую было воткнуто самое длинное из перьев петушиного хвоста.

После этого почтенная матрона прислонила созданную ею фигуру к углу своей хижины и испустила удовлетворенный смешок, рассматривая ее желтое подобие физиономии с изящным маленьким носиком, вздернутым кверху. Физиономия эта была преисполнена удивительного самодовольства и, казалось, говорила: «А ну, поглядите-ка на меня!»

– И очень даже стоит на тебя поглядеть, это уж верно! – промолвила матушка Ригби, восторгаясь делом рук своих. – Много я соорудила всяких куклят, с тех пор как стала ведьмой, но, думается мне, этот всех лучше. Он даже слишком хорош для чучела. А теперь набьем-ка мы новую трубочку, а потом отнесем его на кукурузное поле.

Набивая свою трубку, старуха продолжала взирать с почти материнской нежностью на фигуру, торчавшую в углу. По правде говоря, благодаря ли случайности или ее мастерству – или попросту ее колдовству – было что-то удивительно человеческое в этом нелепом уроде в пестрых лохмотьях, а что касается его физиономии, то ее желтая поверхность как будто сморщилась в улыбку, непонятно только – презрительную или веселую, как будто он прекрасно сознавал, что является не чем иным, как насмешкой над человечеством. Чем больше матушка Ригби на него глядела, тем больше он ей нравился.

– Диккон! – резко крикнула она. – Еще уголек для моей трубки!

И как всегда, не успела она вымолвить эти слова, как пылающий уголек уже горел в ее трубке. Она сначала глубоко затянулась, а затем выпустила из уст мощную струю табачного дыма, за клубившегося в солнечном луче, который с трудом пробрался в комнату через пыльное оконное стекло ее хижины. Матушка Ригби неизменно любила разжигать свою трубку угольком из горящего очага, и притом непременно оттуда, откуда ей его только что принесли. Но

где находился этот очаг и кто добывал ей угольки – этого я сказать не могу, и единственное, что мне известно, – это то, что невидимый слуга как будто отзывался на имя Диккон.

«Этот кукленок, – подумала матушка Ригби, по-прежнему не отрывая глаз от чучела, – право, слишком хорош, чтобы все лето торчать среди кукурузного поля, пугая ворон и дроздов. Он годится и на что-нибудь получше. Да что говорить, я плясала кое с кем и хуже его на наших ведьминых шабашах в лесу, когда в кавалерах бывал недостаток! А что, если я дам ему возможность попытаться счастья среди других людей, таких же пустоголовых и так же набитых соломой, которые толкутся по белу свету?»

Старая ведьма затянулась еще три или четыре раза и улыбнулась.

«Он встретит сколько угодно своих собратьев на каждом шагу, – продолжала она размышлять. – Ну что же, я вовсе не собиралась сегодня колдовать – разве только чтобы разжигать мою трубочку, но я все же ведьма, была ведьмой и ею останусь, и никуда мне от этого не уйти. Превращу-ка я мое чучело в человека, хотя бы шутки ради».

Бормоча себе под нос эти слова, матушка Ригби вынула трубку изо рта и сунула ее в то отверстие, которое изображало рот на тыквенной роже чучела.

– А ну попыхай-ка теперь из нее, дружок! – сказала она. – Затянись, красавчик, и выпусти клуб дыма! Твоя жизнь зависит от этого!

Разумеется, было очень странно обращаться с такими уговорами к чучелу, то есть к созданию из палок, соломы и тряпок, да еще со сморщенной тыквой вместо головы. Все же мы никак не должны упускать из виду, что матушка Ригби была ведьмой, обладавшей необычайной силой и умением. И если мы будем об этом помнить, то не найдем ничего неправдоподобного в удивительных происшествиях нашей повести. Ведь на самом деле мы сразу преодолеем самое главное затруднение, если только сможем заставить себя поверить в то, что стоило почтенной матроне попросить чучело закурить, как тотчас же струйка дыма вырвалась из его уст. Хотя, по правде говоря, эта первая струйка была еще очень жидкая, но за ней последовала другая и потом еще другая, и каждая последующая была гуще предыдущей.

– Пыхай, пыхай, радость моя! Затянись поглубже, милашка! – повторяла матушка Ригби с ласковой улыбкой. – Это для тебя дыхание жизни, уж ты мне поверь!

Безо всякого сомнения, трубка была заколдована. Колдовство должно было таиться или в самом табаке, или в ярко пылавшем уголке, который так таинственно разгорался в ее головке, или в едко-ароматном дыме, который вздымался над тлевшим зельем. Чучело после нескольких неудачных попыток наконец выпустило целый залп табачного дыма, который распространился из темного угла до самого солнечного луча. В полосе солнечного света клубы сперва закружились вихрем, а потом растаяли среди мерцавших пылинок. Видимо, такой результат потребовал от курильщика конвульсивного усилия, ибо следующие выпущенные им струи дыма были уже значительно слабее, хотя уголек в трубке продолжал гореть, бросая красный отблеск на его физиономию. Старая ведьма захлопала в высохшие ладоши и поощрительно заулыбалась своему детищу. Она убедилась в том, что чары ее действовали вполне исправно. Сморщенное желтое лицо, которое еще недавно вовсе нельзя было назвать лицом, фантастически облекалось в какой-то неуловимый покров человечности, причем сходство с человеческим существом то усиливалось, то совершенно исчезало и все-таки после каждого выпущенного клуба дыма становилось все более и более отчетливым. Да и все тело чучела приобретало некую видимость жизни, которую, поддаваясь игре фантазии, мы порой приписываем смутным образам, возникающим среди облаков.

Если бы нам пришлось расследовать это дело более досконально, мы, весьма возможно, не обнаружили бы никакой перемены в жалких, истрепанных, ничего не стоящих и плохо между собой связанных материалах, из которых было создано чучело. Тут, надо полагать, все сводилось к призрачной иллюзии, к хитроумным эффектам света и тени, так умело рассчитанным, что они могли ввести в заблуждение большинство зрителей. Надо сказать, что волшебные

чары, по-видимому, никогда особой тонкостью не отличались, и, если это объяснение будет признано неудовлетворительным, я ничего лучшего придумать не могу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.